

	<b>Проект</b>	<b>«Реальная война»</b>
	Цикл передач	<b>«Вопросы историкам»</b>
<i>Творческая группа</i> <i>СпецИстория</i>	Материал	Стенограмма ШЕСТОГО выпуска
		часть вторая

<u><b>Рубцов</b></u> <u><b>Юрий Викторович</b></u>	полковник запаса, доктор исторических наук, профессор Военного Университета Министерства обороны РФ	далее <b>Рубцов</b>
<u><b>Сдвижков</b></u> <u><b>Олег</b></u>	Ведущий	далее <b>Ведущий</b>

Интернет-телевидение ЕСС.TV представляет цикл передач «Вопросы историкам» в рамках проекта «Реальная война». Выпуск шестой. Часть вторая.

**Ведущий:** Здравствуйте, уважаемые зрители. В рамках проекта «Реальная война» мы продолжаем цикл передач «Вопросы историкам». Сегодня в студии я, Олег Сдвижков, и наш гость полковник запаса, доктор исторических наук, профессор Военного Университета Министерства обороны РФ Юрий Викторович Рубцов. Здравствуйте, Юрий Викторович!

**Рубцов:** Добрый день!

**Ведущий:** Кстати, о честном имени: в отряде Твердохлебова много уголовников. Ну и существует такое мнение, что с началом войны миллионы заключенных ГУЛАГа были направлены в армию и все вот в эти самые штрафные части. То есть действительно ли в армии находилось

много миллионов, поскольку в лагерях ГУЛАГа накануне войны было что-то 1.6-1.7 млн. человек, но и тем не менее, такое мнение бытует, что миллионы уголовников пришли и все они отправились в эти штрафные, ну не батальоны, как мы выяснили, но, наверное, в штрафные роты.

**Рубцов:** Надо иметь в виду, мы сейчас все-таки в основном акцент делали на штрафные батальоны, а как я уже говорил, были штрафные роты – примерно 8-10 на армию. Они как раз были предназначены для направления туда бывших солдат и сержантского состава. Вот в штрафные роты часть обитателей ГУЛАГа могли попадать, что касается штрафных батальонов, возможно, бывшие осужденные военнослужащие в офицерском звании, осужденные до войны, например, но скорее все-таки это были единичные случаи.

**Ведущий:** Ну, просто у нас не было тогда миллионов военнослужащих.

**Рубцов:** Я тут хотел обратить внимание вот на что: поскольку война почти сразу для Советского Союза приобрела тотальный характер, уже в 41-м году дважды по указу Президиума Верховного Совета, дважды, в действующую армию из системы ГУЛАГа было направлено примерно 900 тысяч осужденных.

**Ведущий:** То есть практически половина.

**Рубцов:** Да, но ... это были прежде всего, конечно, люди совершившие нетяжкие преступления, рецидивисты это все ... Но надо, конечно, нам отдавать отчет в том, что когда с места движется без малого миллион человек, это ж не просто так открыли ворота лагеря – выходите все! Конечно, там работают кадровые, всякие другие органы. Безусловно в реальной жизни могла какая-то часть и уголовников-рецидивистов проскочить через это сито. Выйти на свободу под разными предлогами, не будем вдаваться в технологию, но в любом случае это всё-таки исключение из правил. Все-таки это единицы на фоне тех сотен тысяч, которые действительно пошли защищать отечество и, кстати говоря, надо

иметь ввиду, что вот освобожденные из лагерей шли-то не в штрафные части, а шли в обычные линейные части. Уже хотя бы потому, что война началась в июне 41-го, а штрафные части появились в июле 42-го.

**Ведущий:** Неувязочка какая-то получилась.

**Рубцов:** Теперь в отношении политических. 58-я статья вообще, мы знаем, была очень тяжелой и чтобы быть освобожденным из лагеря из тех, кто был осужден по 58-й статье, тоже требовалось что-то экстраординарное. Я, например, знаю, что вот среди штрафников тоже единицы были, единицы. Ну, вот известный писатель Герой Советского Союза Карпов Владимир Васильевич, вот он был осужден по 58-й статье. Он был курсантом военного училища, по-моему, до войны он поступил, и был осужден как военнослужащий и попал в лагерь по 58-й статье – антисоветская пропаганда. Вот он сумел получить освобождение и быть направленным в штрафную роту, поскольку он был курсантом, а не офицером, в штрафную роту. Вот здесь он уже отличился, был освобожден и продолжал службу в обычной линейной части разведчиком фронтовым. У него просто редкая биография: он привел только «языков» 45 человек, и то однополчане говорят, что все-таки какое-то к нему было такое несколько предвзятое отношение вначале как к бывшему штрафнику, то есть по факту он привел «языков» даже больше. Ну, представьте себе, один рейд в тыл врага – это уже! А человек ходил несколько десятков раз и успешно. Но повторяю, таких случаев очень немного, очень немного. Все-таки политическим властью не доверяла.

**Ведущий:** Ну, то есть вот даже вот этот как бы убеждение многих людей о миллионах зеков ...

**Рубцов:** Это, конечно, сильное преувеличение, сильное преувеличение. Ну, жизнь всегда богаче любых каких-то конструкций, которые мы умозрительно формируем? Немножко отвлечемся от штрафников. Вот скажем, высший офицерский состав, генералы. Очень много генералов,

которые по тем или иным причинам не смогли себя достойно показать, были арестованы и осуждены в самом начале войны. Но я должен ответственно сказать, что даже тех, кто осуждался за поражение Западного фронта или Юго-Западного фронта вот в первый период войны, даже осужденные к смертной казни, часть из них были Президиумом Верховного Совета СССР не то что реабилитированы, но степень наказания была снижена. Многих после небольшой отсидки отправляли подчас на те же самые должности, которые они занимали до момента осуждения. Кое-кто серьезно отличился, даже стал Героем Советского Союза. Это я все к чему? Также вероятно и среди штрафников, естественно, всеми правдами и неправдами люди, осужденные и направленные в ГУЛАГ, стремились попасть на фронт. Ну, кто исполнен какого-то шкурничества, тот понятно – ему выйти и продолжить свою разухабистую жизнь, но ведь мы знаем огромное количество патриотов настоящих попало по тем или иным причинам в ГУЛАГ и они стремились на фронт обелить себя, заработать себе честное имя, в том числе и через штрафбат. К слову сказать, безусловно, вот эта форма, как штрафные формирования, форма исправления, да, жестокая, тут ничего не скажешь. Так было записано в приказе – смыть свою вину кровью, и далеко не все командиры были такие, как вот генерал Горбатов, о котором я рассказывал. Многие считали, что штрафника ему прислали именно для перевоспитания и вот есть единственный выход – пусть ляжет вот на поле боя и тогда он только очистит свое имя. То есть ситуация опять разная – большинство шли сюда, и я хочу подчеркнуть, что эта жестокая система, тем не менее, давала многим шанс действительно с честным именем вернуться и в боевой строй, и после войны домой, честно смотреть своим родным и близким в глаза. Ведь смотрите, что было до 28-го июля 42-го года, до приказа № 227: разве до этого не было дезертиров, паникеров, людей, которые на поле боя бросали оружие и бежали с поля боя?

**Ведущий:** Ну, в этой ситуации комиссар, вероятно, или командир мог просто застрелить ...

**Рубцов:** Но мы ведь с вами прекрасно знаем из практики, из литературы, что если человек бросил оружие и побежал, это вовсе не потому, что он такой органический трус или враг. Ситуации могут быть совершенно неожиданные с точки зрения психологии, да? Так вот, в той ситуации его могли застрелить просто по собственной инициативе любой командир или комиссар.

**Ведущий:** То есть получается, что приказ 227, очень жесткий приказ, по сути своей ставил предел произволу?

**Рубцов:** Безусловно, по-своему, он гуманный. Да, сейчас, наверное, кто-нибудь нас услышит и скажет: ну вот, нашли Сталина-гуманиста! Или НКВД 40-х годов – большие гуманисты. Надо все-таки, на мой взгляд, придерживаться того, что в науке называется принципом историзма – судить, конечно, не с позиции сегодняшнего дня, а с позиции и боевой практики, жизни, и юриспруденции тех лет, а в тех жестких, а подчас и жестоких условиях, это было мерой в целом гуманной. Кстати говоря, так оценивали многие фронтовики: давался шанс и многие этим шансом воспользовались.

**Ведущий:** Юрий Викторович, ну мы разобрались, как люди попадали в штрафные части, какие разновидности этих частей были. Но, а как люди освобождались, то есть, как реально это выглядело? Вот по фильму раненые штрафники бегут в тыл, а заградотряд НКВД, которого там не могло находиться, расстреливает их из пулемета. Что происходило в реальности? Как человек мог покинуть штрафное подразделение, на каких основаниях?

**Рубцов:** Значит, по положению о штрафных формированиях было три пути, законных пути, по которым шел штрафник, освобождаясь из соответствующего подразделения. Первый – самый, конечно, трагический

– гибель в бою. Второй – ранение. Ранение было основанием для того, чтобы раненый был эвакуирован с поля боя и, по существу, автоматически командир роты штрафной или батальона готовил на него документы для освобождения и для передачи в военный трибунал. Можно было освободиться и по третьему основанию: проявив подлинный героизм. Да, надо признать, что командование не очень приветствовало такой путь, но были такие случаи, когда хочешь-не хочешь, но человек доказывал свое право быть освобожденным от дальнейшего наказания. Ну, например, вот такой пример, который в своей книжке приводит бывший командир штрафной роты Сукнев. Эта книга издана его – «Записки командира штрафной роты». Он приводит удивительный случай, демонстрирующий как раз смётку, хитрость военную, которую проявили штрафники: надо было взять «языка» перед наступлением, это примерно 44-й год был, поскольку немцы на той стороне уже насторожились, вели себя очень бдительно, то все попытки войсковой разведки добыть «языка» все время заканчивались неудачей и гибелью разведчиков. И тогда штрафникам пришла в голову блестящая, хотя и конечно граничащая с крайним риском, мысль. Они заметили, что на той стороне в специально отведенное гнездо поместили немцы пулемет, такой дежурный, как бы выразиться, и периодически там, естественно, менялась обслуга. И они придумали, что ночью не пройти, поскольку немцы опасаются, в том числе рейдов наших, все время освещают местность, а это на том берегу реки, поэтому – замершая река, сплошной лед, ровная поверхность – там не скроешься. Ночью не получается. Так они придумали на закате пробраться, то есть по существу еще при дневном свете, воспользоваться тем, что немцы в это время ужинают, да еще это было канун католического Рождества, что могут и пропустить стаканчик. И невольно в этот момент бдительность снижается. Они пробрались, дождались ночи и, когда шла смена, они из 3-х человек, двух уничтожили, одного унтер-офицера притащили с собой.

Когда начался минометный обстрел, немцы обнаружили, начали обстреливать наш передний край, так они легли на него 8 человек, на этого немца, готовы были получить там даже тяжелое ранение, но немец должен был остаться в живых. Почему? Потому что им было обещано – это же штрафники – им было обещано: командиру – это постоянный состав, да – орден Красного Знамени, всем штрафникам – по ордену Красной Звезды и автоматическое освобождение. Они не получили ранения, но после того, как была решена задача в интересах целой дивизии, конечно, комдив сразу ходатайствовал перед Военным Советом армии об освобождении. Это вот такой боевой конкретный пример, когда человек освобождался из штрафного подразделения просто за свои заслуги боевые, за сметку, за мужество, за героизм, проявленный при выполнении боевой задачи.

**Ведущий:** То есть мы можем сказать, что фразу из приказа «смыть вину кровью» не следует понимать буквально?

**Рубцов:** Буквально, да. Хотя, безусловно, имело место и ранение, и гибель в бою. Война есть война – война вещь жестокая, без жертв не обходится. Мне кажется, очень важным сделать вот какой акцент: в правовом отношении никаких последствий руководящие документы не предусматривали для тех, кто воевал в штрафных частях. Это очень важно.

**Ведущий:** То есть это никак не фиксировалось, то есть человек не писал в анкете, что всю оставшуюся жизнь ...

**Рубцов:** Я думаю, в кадровых органах, особенно, что касается офицеров, вероятно, какая-то запись была, но она не обнародовалась и сослуживцы, скорее, знаете, по каким причинам, вот какая жизнь богатая, по наградам боевым могли определить, что человек был в штрафной части. Например, офицер, офицер, а носит, скажем, Орден Славы 3-ей степени. Вопрос: откуда солдатский орден на груди у офицера? Вероятно – один из путей – вероятно, он был в свое время разжалован, воевал в штрафной части и за

героизм получил этот орден. Интересно, правда? То есть правовых последствий не наступало. Больше того, скажем, вот погиб штрафник ...

**Ведущий:** Да, кстати, вот ведь если погибал военнослужащий, то семья получала пенсию ...

**Рубцов:** Вот, вот я к этому веду, то есть он после гибели постфактум восстанавливался во всех правах и все меры социальной защиты, которые были предусмотрены по закону, распространялись на его семью: то есть пенсия, там скажем какие-то пособия детям малолетним и так далее. Это очень важно! Это очень важно, потому что иногда вот из нашей литературы может сложиться впечатление, что это какое-то клеймо пожизненное. Конечно, жизнь есть жизнь и среди кадровиков и просто обычных нормальных людей могла какая-то подозрительность сохраняться, да, недоверие к такого рода людям. Определенные категории военнослужащих, вероятно, вероятно, ограничивались и в профессиональном отношении. Скажем, вот летчики, летчики которые были, извините, «приземлены» в штрафную часть, их могли впоследствии ограничить, скажем, в полетах – переводили с летной работы на техническую, такие случаи я вот знаю из личного общения с некоторыми фронтовиками. Но повторяю: по закону, вот по документам руководящим это не просматривалось.

**Ведущий:** Кстати о летчиках, вот такой возник вопрос сразу же: ну существуют, ходят вот такие слухи, я не знаю, что это такое, что существовали некие штрафные эскадрильи, где летали летчики-штрафники. Наверное, подводные лодки штрафные тоже существовали?

**Рубцов:** Это очень интересный вопрос, это очень интересный вопрос. Я постараюсь кое-что здесь раскрыть. Когда я вот готовил эту книгу, она вышла в 2007 году, я там написал, что некоторые категории военнослужащих, в частности, летчики, моряки, военнослужащие-женщины, я там описал, каким образом они выполняли решения или



приговоры военных трибуналов, если были осуждены. В абсолютном большинстве случаев и моряки, и летчики направлялись в штрафные батальоны сухопутные. Кстати говоря, по приказу 227 только в стрелковых частях штрафные формирования существовали, то есть пехота, иначе говоря. И моряк, и летчик воевали с винтовкой, с пулеметом.

**Ведущий:** Да, я просто представил: штрафная подводная лодка, наверное, там с черным флагом ...

**Рубцов:** Да. Значит надо сказать, что в 44-м году приказом наркома Военно-морского флота адмирала Кузнецова порядок несколько был изменен. Моряков-военнослужащих проштрафившихся направляли в штрафные части, но не в составе сухопутных фронтов, а в специальные стрелковые формирования при Черноморском флоте, Каспийской военной флотилии и Балтийском флоте. То есть они выполняли те же самые функции пехотинцев, но моряков просто собрали, как говорится, в одну кучу, не растворяли ...

**Ведущий:** Да, наверное, это разумно. Все-таки служба моряка требует большей подготовки и если ее растерять, потом ...

**Рубцов:** Да, безусловно. Я думаю, что это разумно. Мы об этом говорили, что все-таки, особенно, штрафные батальоны – это специалисты, как правило, высокой квалификации. С летчиками немножко задача посложнее. Вот когда я готовил эту книгу, в принципе, вы там можете прочитать, что документальных свидетельств создания неких штрафных авиаэскадрилий мне найти не удалось. За последние годы такие документы нашлись, но я должен оговориться: сформированы эти штрафные авиационные эскадрильи по инициативе командующих, некоторых командующих воздушных армий, не по приказу 227.

**Ведущий:** А, то есть это чисто местная инициатива ...

**Рубцов:** Инициатива, но все-таки инициатива не наказуемая. Командующий армией в годы ВОВ был бог, царь и воинский начальник –

располагал значительными полномочиями. Другое дело, что сама идея штрафных эскадрилий, она несколько вступает в противоречие с общей идеей штрафной части. Ведь штрафная часть, хотя это не было исправительным учреждением, да, это все-таки не лагерь и не тюрьма – это то же самое линейное подразделение или формирование – стрелковая часть или подразделение, но со своими нюансами, да. Здесь ясно: человек, проштрафившийся, действительно попадал в условия повышенной опасности, повышенной сложности, то есть его наказывали именно этим – опасностью смерти. Необходимостью переносить какие-то повышенные трудности. В этом смысле, летчика пересади даже не из одного самолета в другой, а на том же самолете, да, но он будет числиться в обычной эскадрилье или в штрафной, – задачи-то он будет в принципе те же самые, да. Но, вот мы возвращаемся с вами к той мысли, которую вы высказали в отношении моряков: я так думаю, что авиационные командиры то же самое – заботились о сохранении своего летного состава. Моряка тяжело подготовить, а лётчика еще сложнее! Да, ну в интересах дела, ну направят его с винтовкой или с автоматом штурмовать там опорный пункт немецкий и не дай бог он там погибнет, а как подготовить своего летчика? Это несколько лет надо готовить! Поэтому, я думаю, что командармы авиационные брали на себя такую ответственность: оставляли у себя этих летчиков или там техников самолетов скажем да, чтобы они не рассеялись, чтобы не потерять с ними связь. Здесь, под своим контролем, да, они могли вот это летчицкое ядро сохранять. Понятно, даже, наверное, особые отделы многие были против, мы с вами уже говорили: а вдруг он перелетит на ту сторону? Я не исключаю, что могло и такое быть, но что ждало советского летчика там? Ну, прилетит он туда на самолете. Я понимаю, Беленко, да, в 75-м году на новейшем самолете перелетел в Японию, там ему заплатили изрядную сумму – он новейший самолет перегнал нашему потенциальному противнику. А здесь, ну какой толк?

**Ведущий:** Ну да, даже на металлолом не отправишь, поскольку ...

**Рубцов:** Ну, сумасшедшие никогда не переводились, может быть, кто-то и улетел. Но судить по каким-то отдельным единичным случаям о «сталинских соколах», я думаю, не стоит. Резюме: все-таки в литературе мы можем и встретить – и теперь это обосновано – рассказы о штрафных авиаэскадрильях, но это вот приобрело ту форму, о которой я говорил. Но как всегда или чаще всего у нас бывает, много всяких дополнений, знаете, любое дело обрастает, какими-то страшными историями. Вот я читаю, по моему, в газете «Труд», несколько лет назад рассказ одного, кстати, Героя Советского Союза, летчика, который якобы командовал штрафным полком, который за три месяца уничтожил около 500 немецких самолетов! В 44-м году, что ли, или в 43-м. Мне так хотелось поднять трубку и связаться с журналистом, который интервьюировал этого героя. Ну, милый мой, ну подними статистику: крупнейшая во Второй мировой войне авиационная битва над Кубанью – за три месяца 500 самолетов сбили 3 дивизии! Причем, это на важнейших участках! Кубань – это важнейший участок фронта! А полк, которым командовал вот офицер, которого интервьюировал журналист, где-то в Карелии, что ли, где-то здесь, на Северо-западном фронте, где в это время бои были не очень интенсивные. Ну, человека могла подвести уже и память – все уже очень пожилые. Но журналист-то – молодой человек! Загляни в справочники, в энциклопедию, задай этому уважаемому своему собеседнику вопрос: Иван Иванович, а может быть, как-то подкорректируем?

**Ведущий:** А имели ли немцы 500 самолетов на этом участке?

**Рубцов:** Нет, в том то и дело, нет. Смотрю, через некоторое время появляется новая публикация, как ответ на критику: журналист, видимо, получил несколько писем критических, но вместо того, чтобы признать свою ошибку, продолжает упорствовать. Кончилось тем, я, может быть, сильно к этой истории привлекаю внимание, кончилось тем, что два Героя

Советского Союза, Микоян и Щербаков, – это известные летчики-испытатели, Герои Советского Союза – которые тоже воевали в свое время, вынуждены были уже с высоты своего авторитета обратиться в газету и просить перестать тиражировать басни, вымыслы, пожалеть человека – Героя Советского Союза, бывшего фронтового летчика. Потому что, ну, человек может запомнить, что-то перепутать, но даже его журналист – ради красного словца, ради желания нарисовать какие-то удивительные картины – не щадит даже своего собеседника. К сожалению, с этим часто приходится сталкиваться.

**Ведущий:** Юрий Викторович, в советское время многие события нашей истории приукрашивались, все это помнят. А вот в антисоветское, наступившее затем время, напротив, очень многие исторические события или, вот, явления советской жизни, ну, подаются как исключительно какой-то вот показатель особенного такого живодерства советской системы. Ну, одно время, я помню еще в 90-е годы, много писали о том, что и концлагеря изобрели мы, а немцы учились у нас, но потом, правда, оказалось, что изобрели их англичане во время англо-бурской войны. Потом, правда, и они оказались не виноваты: оказывается, американцы эту форму задержания изобрели еще во время своей гражданской войны. Так вот, вопрос такой: являются ли штрафные части в вооруженных силах, каким-то вот таким особенно жестоким советским «ноу-хау» или что-то подобное имело место в других армиях, в другие исторические эпохи?

**Рубцов:** Нет, конечно, никакого «ноу-хау» за нами не числится в этом отношении. Я даже хочу обратить ваше внимание, что штрафные части у нас появились не с 22-го июня, да, более, чем через год после начала войны, в тот момент, когда, конечно, в войне наступил с нашей стороны очень серьезный кризис. Ну если наши войска дошли до Волги, то, конечно, главный тезис вот этого 227-го приказа “ни шагу назад” – он просто жизненный был – действительно, отступить было уже некуда. И

больше того, в 227-м приказе как раз есть указание на определенный источник, имеется ввиду указание приказа на то, что немцы после поражения под Москвой прибегли к такой форме, как штрафные части – направлению туда тех, кто бежал под Москвой – и эти части показали себя довольно результативно, эффектно. Надо сказать, что сама апелляция, конечно, к врагу в приказе, который был обнародован для всего личного состава Красной Армии, я, например, такое мнение мое, я считаю, неправильно: у врага не надо учиться мерам наказания. Но, видимо, ситуация была настолько критическая, что Сталин, судя по всему он писал лично – стилистика этого приказа выдает – видимо, был настолько подавлен вот этим отступлением Красной Армии, что он пошел даже на такую апелляцию к врагу. Ну, так или иначе, вермахт знал, что такое штрафные части. Кстати говоря, штрафные формирования были и в британской королевской армии, и в армии Соединённых Штатов, то есть чего-то особенного здесь мы не могли предложить. Больше того, как я уже сказал, в конкретных жестоких условиях войны это был шанс для большого числа военнослужащих, провинившихся – в действительности или с точки зрения власти – в данном случае не имеет значения, это был шанс, безусловно. Что могла та же власть предложить провинившимся военнослужащим? Только лагерь, правильно? Или тюрьму.

**Ведущий:** Или расстрелять.

**Рубцов:** Ну, я имею ввиду из тех, кто, так сказать, приговаривался к срокам большим, но сохранялась жизнь. Разве военнослужащему, который даже отступил, да, там, скажем, не выполнил приказа старшего командира, разве ему лучше, где-то в лагере, извините, париться на нарах или воевать? Для многих здесь альтернативы не было: естественно, воевать, естественно, как я уже сказал, возвращать себе честное имя. Я понимаю, и мы сегодня уже говорили, возможно, кто-то из зрителей воспримет нас с вами как адвокатов строгой, в какой-то степени страшной, системы власти

40-х годов. Но я еще раз призываю наших зрителей судить не с позиции сегодняшнего дня, а все-таки стараться, ну, грубо говоря, влезть в шкуру тех, кто жил в 40-е годы – у них восприятие и войны, и жизни в целом, и власти было совершенно иное. Нам вот сегодня трудно понять, как это, например, многие, обиженные советской властью шли за нее воевать? Может быть, они воевали там не за власть – они воевали за Родину.

**Ведущий:** Ну, у меня прадед ходил записываться добровольцем, так у него были неприятности, пенсию он не получал, поскольку – ну его и не посадили, но пенсию ему так и не платили до конца жизни, поскольку он был кулаком в молодости. В 41-м году он пошел записываться добровольцем, его не взяли – уже очень старый был, уже за 60.

**Рубцов:** Но порыв был у миллионов, правильно? А среди этих миллионов были и раскулаченные, да и сидевшие, и какой-то ценой освободившиеся. Простой пример: ведь этим духом – борьбы за Родину, за Отечество – были проникнуты и здесь, и там. Вспомните классический пример генерала Деникина: ведь он пожалел, что он в силу своего положения и возраста уже не может стать генералом Красной Армии, «а то, я здесь его цитирую – а то я всыпал бы немцам!» Это был его ответ на предложение эмиссаров Краснова присоединиться к антисоветским гитлеровским формированиям. Вот мне кажется, такой взгляд важен на историю: с учетом реалий того времени. Да, сегодня из нашего вполне благополучного далёка от тех времен многие вещи кажутся кощунственными, грубыми, страшными. Но это реальность была. И то, что многие штрафники или абсолютное большинство штрафников сумели подняться над этой ситуацией, да, не обращать внимание на обиды, которые нанесла власть, а многим она нанесла, действительно, потому что, к сожалению, сюда направлялись, как и в ГУЛАГ, много, с точки зрения закона, даже не виновных людей. Но опять – это реальная действительность. Они смогли подняться над этим, смогли действительно

вернуться в боевой строй с честным именем. Это очень важно. Если я ответил ваши вопросы хоть сколько-нибудь содержательно я очень рад.

**Ведущий:** Юрий Викторович, большое спасибо, что согласились прийти к нам в студию и ответить на вопросы наших зрителей.

**Рубцов:** Вам спасибо за приглашение.

**Ведущий:** Дорогие друзья, пишите нам, и мы постараемся ответить на ваши вопросы. Всего вам доброго.